

УДК 130.2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПОСТТЕХНОГЕННОСТИ

Богатая Л.Н.

В статье рассматриваются представления о культурной парадигме в совокупности составляющих ее элементов. Исследуются особенности современной культурной ситуации в Украине. На основании концепций, развиваемых А.Д. Богатуровым, С.Ю. Глазьевым, проводятся рассуждения по поводу посттехногенности как очередного этапа, следующего за эпохой техногенности.

Ключевые слова: методологическая стратегия, методологическая установка, общекультурная парадигма, посттехногенность, технологический уклад.

Объектом исследования выступает понятие посттехногенности. **Цель** исследования – раскрыть методологический контекст понятия посттехногенности.

Элементарные попытки осмысления методологических стратегий снижения рисков техногенной цивилизации сразу выводят на два фундаментальных вопроса. Во-первых, что такое методологическая стратегия и, во-вторых, следует ли называть тот этап культурного развития, который переживает современная Украина, эпохой техногенной цивилизации? Основная цель представленной ниже публикации состоит в том, чтобы зафиксировать некоторые соображения по поводу общекультурной парадигмы как фундаментального фактора, влияющего на формирование методологических стратегий, выделить ключевые термины современной культурной парадигмы. Помимо этого, предложить к рассмотрению ряд представлений по поводу наступающей посттехногенности,

В самом первом приближении выражение методологические стратегии возможно прояснять в контексте со словосочетанием методологические тактики, которое достаточно естественно мыслить как обращение в практике познания к тому или иному методу или их совокупности. Методологическую тактику естественно рассматривать как применение монометода, в то время как методологическая стратегия есть, скорее, возможность одновременного обращения к нескольким методам в зависимости от характера поставленных целей и задач. Однако приведенное толкование методологической стратегии кажется неполным. Достаточно вероятно, что методологическая стратегия содержит в себе также и методологическую установку, представляющую собой некоторую внутреннюю, подсознательно заданную ориентацию по отношению в выбору и способу организации тех или иных методов. Методологическая установка являет собою некоторое двуединство внешнего и внутреннего. Под внешним можно понимать существующую современную культурную парадигму. Что же касается внутреннего,

то это то уникальное предзнание, предпонимание, предразумение, которое является неизменным достоянием познающего субъекта.

Методологическая установка, зависящая от соответствующих парадигмальных влияний, предопределяет методологическую стратегию. Представленное выше употребление термина культурная парадигма может вызвать определенные вопросы по поводу правомерности существования соответствующего словосочетания, ибо слово парадигма употребляется, в первую очередь, в контексте словосочетания парадигма научная. Однако, на наш взгляд, предпринятое Т. Куном извлечение термина парадигма из глубин античной терминологии имеет фундаментальное общеметодологическое и культурное значение.

Слово парадигма, как известно, происходит от греческих слов *παράδειγμα* – «пример, модель, образец» и *παραδείκνυμι* — «сравниваю». В современном интеллектуальном сообществе парадигма понимается как совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, явных и неявных предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки, принимаемая и разделяемая научным сообществом. Широкое использование термина парадигма в совершенно различных культурных контекстах привело к тому, что из суто научной сферы термин переместился в общекультурное пространство, приобретая общекультурный статус и новые смыслы. Целесообразность введения представлений о культурной парадигме возникает по причине того, что словосочетание научная парадигма становится в определенной мере узким, не способным учитывать фундаментальные мировоззренческие изменения, происходящие в гуманитарных сферах. При этом использование термина культурная парадигма требует определенной аккуратности. Культурная парадигма это, в первую очередь, парадигма глобальной культуры, той внешней общепланетарной культурной среды, оказывающей существенное влияние на развитие локальных культур. Культурная парадигма, в первую очередь, может рассматриваться, как совокупность ключевых терминов, играющих фундаментальную роль в развитии современного культурного сообщества на том или ином историческом этапе, ключевых символов, этических императивов в своем единстве во многом предопределяющих формирующиеся методологические установки, влияющие на избираемые методологические стратегии. С.Б. Крымский достаточно точно заметил, что «парадигма причастна к селекции допустимых или запрещенных состояний, реальных или мнимых вопросов. Она связывает выбор определенных проблем с осознанием процедур их разрешения...» [4, с. 127].

По утверждению российского философа В. И. Аршинова парадигма формирует специфическую коммуникативную среду, некое уникальное языковое коммуникативное пространство, в которое погружено научное сообщество, в результате деятельности которого выкристаллизовывается научная парадигма.

Говоря о культурной парадигме, следует иметь ввиду тот факт, что культура, мыслимая в ее всепланетной проявленности, является достаточно сложным надсистемным образованием, представленным множеством весьма различающихся локальных культур, развивающихся по своим специфическим законам. Для более глубокого понимания сути термина культурной парадигмы целесообразно еще раз вернуться к размышлениям Т. Куна, который выделял в парадигме следующие компоненты: «символические обобщения» (математические формулировки

законов), образцы решения конкретных задач, «метафизические части парадигмы», ценностные установки науки. Т. Кун говорил о математических символах, формирующих научную парадигму. В контексте же размышлений о культурной парадигме речь может идти уже о символах культурных. Поиск и освоение фундаментальных культурных символов становится важнейшей задачей для культурологов и философов, уделивших на протяжении всей истории развития философии много внимания исследованию природы символов, изучению их методологических возможностей. В контексте отмеченного интересно привести слова не тех мыслителей, которые внесли существенный вклад в изучение природы символов, к примеру – П. Флоренского, Э. Кассирера, А. Ф. Лосева, а современного российского ученого Н.Н. Моисеева, который о символах сказал так: «прежде слов идут символы. Именно они проникают в душу человека, определяют его духовный настрой и лишь иногда, вербализуясь, превращаются в суждения или действия» [5].

Разговор о символах современной культурной парадигмы является особой темой, требующей своего специального развития, однако уже сейчас можно предположить, что символом современной культурной парадигмы является *глобализация*. На первый взгляд может показаться, что глобализацию естественно рассматривать, к примеру, как фундаментальное понятие современной глобалистики или достаточно распространенный культурный концепт. Но что же дает введение представлений о символе глобализации? Опять же, не отвлекаясь на специальные рассуждения по этому поводу в рамках данной публикации можно ограничиться следующим замечанием: символ глобализации есть некий предел, к которому стремятся все существующие в различных языках и дисциплинарных нишах значения понятия глобализации, смыслы, стягиваемые концептом глобализация. Символ есть некая компактификация, сжатие всех значений и смыслов, соответствующих термину, представляющему символ. Символ есть предел допустимой абстракции. Культурные символы, равно как и символы математические, предстают абстракциями, стимулирующими и направляющими работу сознания, разума, мышления.

Возвращаясь к куновскому определению составляющих парадигмы, следует обратить внимание еще на два очень важных элемента, а именно - ценностные установки науки, а также на «метафизические части парадигмы». Таким образом, культурная парадигма включает в себя уже не только фундаментальные культурные символы, ключевые термины, направляющие развитие современной культуры, но и зарождающиеся новые ценностные установки и метафизические концепты.

Интересно заметить, что за прошедшие десятилетия нового века существенные изменения произошли в выдвигаемых к рассмотрению ценностных приоритетах. Если в начале тысячелетия речь шла о гармонизации отношений человека с природой, о формировании экосферной, ноосферной этики (к примеру, в работах Н.Н. Моисеева), об организации такой деятельности человека на планете, при которой обеспечивалась бы оптимальная «коэволюция» биосферы и человечества, формировалось «цветущее многообразие» культур (К.Н. Леонтьев), то в настоящее время все чаще речь уже идет о космоэтике, космогармонии. Как отмечается, к примеру, в исследованиях А.Е. Аствацатурова, М.А. Басилаиа, космоорганизация это «вселенский целостный процесс, который сохраняет противоположности в

единстве и самоорганизуется все на основе числовых отношений во Вселенной, в микрокосмической и макрокосмической сферах» [1, с. 75]. Космогармония - это не только манифестация необходимости гармонизации современного человека и космоса, но стремление обнаружить новые способы мышления, доступные человеку. Такое мышление даже получило специальное название - *космомышление*.

И, наконец, как уже было отмечено, культурная парадигма включает в себя фундаментальные *«метафизические концепты»*. Конечно же, на каждом этапе культурного развития соответствующие концепты будут меняться. Определение подобных метафизических доминант всегда является задачей достаточно сложной и неоднозначной. Достаточно понятно, что не следует ожидать консенсуса в среде философов по поводу проявления наиболее фундаментальных в современной культурной ситуации метафизических концептов. Философия в самих основах своей деятельности существенно отличается от науки. Выражение «философская парадигма», скорее всего, предстает практически бесполезным. Ибо философия, в отличие от науки, всегда глубоко личностна и национальна, ибо глубинно связана с тончайшими особенностями языка, с помощью которого формулируется философская мысль. И, тем не менее, в общекультурную парадигму проникают наиболее важные для всего человечества метафизические концепты. На наш взгляд, для современной культурной парадигмы чрезвычайно значим концепт многомерности, хотя понятно, что представленное утверждение требует подробного обоснования.

Итак, подводя определенный итог сказанному, можно заметить следующее. Методологические стратегии во многом формируются под влиянием современной культурной парадигмы, представляющей собой совокупность наиболее значимых культурных символов, терминов, ценностных установок, ключевых метафизических концептов и, вероятно, не только их. И отмеченного понятно, что прояснение культурной парадигмы на каждом этапе исторического развития является делом весьма полезным. Естественно, что проявляемая общекультурная парадигма должна соотноситься с конкретными локальными культурными образованиями, находящимися на той или иной стадии своего цивилизационного развития. И в этой связи целесообразно перейти к обсуждению особенностей той культурной ситуации, которую переживает современная Украина.

Первая ассоциация с Украиной, которая может возникнуть у представителей внешнего по отношению к нашей стране мира – это Чернобыль. Для большей части представителей других культур Украина сопрягается с величайшей техногенной катастрофой, которую пережило человечество. Чернобыль можно назвать символическим памятником прошедшей техногенной цивилизации. Зона Чернобыля становится объектом внимания туристов, желающих посмотреть на обломки уходящей культуры. Следы этой культуры можно обнаружить во многих городах, поселках Украины. Разваливающиеся химические производства, когда-то гигантские заводы, устрашающие своими небезопасными развалинами жителей близлежащих территорий. Все это прошлое техногенной цивилизации создает контекст прорастающей посттехногенности. Интересно то, что термин посттехногенность в современном информационном мире чаще всего используется в контексте со словами ландшафт, почва. Посттехногенные почвы – это те

поверхности Земли, которые пережили те или иные техногенные катастрофы и теперь требуют длительной реабилитации.

В современной Украине разрушены главные источники техногенности – индустриальные гиганты, масштабные технологические производства. Оставшиеся еще мощные металлургические комплексы и сохранившиеся производства ВПК замерли в ожидании второй волны мирового кризиса, которая должна проявить их дальнейшую участь. В подобной ситуации достаточно естественны размышления о том, что же приходит на смену техногенности? Интересно то, что прорастающая культурная «новья» лучше всего видна именно на бывшем постсоветском пространстве, где технологические разрушения волею истории начались значительно раньше, нежели в развитых европейских странах.

Проще всего то, что мы сейчас переживаем, назвать *посттехногенность*, но соответствующий термин не достаточно хорош уже тем, что ничего не проясняет. В поисках прояснений стоит обратить внимание на две интересные исследовательские разработки, выполненные современными российскими учеными.

Первая связана с именем известного русского политолога А.Д. Богатурова. В работе «Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода» Алексей Демосфенович затрагивает одновременно две глубоко взаимосвязанные темы, которые обретают общекультурное звучание. Первая тема связана с рассмотрением достаточно интересной типологии обществ. При построении отмеченной типологии Богатуров отталкивается от ситуации, складывающейся в современной глобалистике, подвергая критике привычные представления о глобализации как о нарастающей однородности мира [2, с. 129]. Предполагаемая в начале исследования глобализационных процессов культурная унификация, связанная с выравниванием всех культур под стандарты культуры западного образца, на практике фактически не оправдалась. Параллельно глобализационным процессам (процессам культурной унификации), имело место усиление отдельных региональных культур, что даже привело к появлению специального термина «глокализация» (*glocalization*) (как известно, термин был введен в оборот британским социологом Р. Робертсоном).

В связи с отмеченным, А. Д. Богатуров предлагает существующие в современном мире общества отнести к трем типам: *традиционные, современные, конгломераты*. Под первым понимаются общества, поведение членов которых основано не на рациональном целеполагании, а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. Основной мотив действия состоит в следовании уже известному образцу [2, с. 131]. В обществах второй группы, понимаемых как современные, модели поведения строятся, напротив, с опорой на осмысление, рациональное целеполагание, нахождения завершенных форм знания («цельных картин действительности») [2, с. 131]. По поводу обществ третьего типа Богатуров замечает следующее: «Общества третьей группы называются конгломеративными. Под ними понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавов, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего обществ конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся

пропорции» [2, с. 132]. К обществам конгломеративного типа Богатуров относит, к примеру, Китай, Японию, Тайвань, Россию. Достаточно естественно предположить, что к этому ряду следует добавить и Украину. Конгломеративные общества не являются системами. Российский политолог называет подобные образования надсистемами или транссистемами. Несмотря на массивность последующей цитаты, стремление более точно передать авторское понимание конгломеративности требует ее полного представления: «Конгломеративность... воплощает единство, но единство конгломерата – единство разнотелностей, а не слитность в однородности; это единство по «по внешнему контуру», через со-развитие разного, а не через слияние в одинаковости. В отличие от системно организованных общностей, конгломерат свободен от преобладания единственного типа связей. Для конгломеративного типа общества типичны *«несквозные, опоясывающие связи»*. Они отличаются большей мягкостью и не рассчитаны на стимуляцию однородности. Каждый анклав в конгломерате автономно воспроизводит свой тип отношений – и в этом они с позиций общества в целом «не-системны» [2, с. 133]. Важной особенностью конгломератов анализируемый автор полагает то, что отношения между анклавами в конгломератах построены не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном – но разноплоскостном- со-развитии. Взаимодействие анклавов является косвенным, они взаимно влияют друг на друга, но не сливаются, утрачивая исходные качества [2, с. 134]. Анклавы, составляющие конгломерат, являются разнотелностями. И если слово анклав именуется конкретное общественное образование, то термин разнотелности, примененный уже по отношению к анклавам, подчеркивает их сущностное различие. С точки зрения А.Д. Богатурова, разнотелностная рядоположенность в конгломератах является некоторой альтернативой поглощающей линейности [2, с. 143].

На наш взгляд, термин разнотелности требует проведения специальной философской рефлексии. Самое первое предположение, которое можно постулировать, состоит в том, что разнотелности своим бытием вскрывают различные законы развития. Различие законов существования предопределяет невозможность слияния разнотелностей. Однотелности и разнотелности различаются соответствующими типами связей. Если однотелности одинаковым образом реагируют на воздействие внешней среды, то разнотелности демонстрируют совершенно различные варианты откликов. Именно поэтому общества конгломеративного типа достаточно непредсказуемо реагируют на воздействие модернизирующих импульсов. И, пожалуй, самое главное: однотелности формируют системы, в то время как разнотелности являют собой некие надсистемные образования. Именно на этом этапе рассуждений появляются основания для введения следующей гипотезы: разнотелностные образования, представляющие собой несистемы (транссистемы) иначе можно рассматривать как многомерные объекты. Многомерный объект представлен совокупностью разнотелностей, каждая из которых развивается по своим собственным специфическим законам. Термин «мерность» при таком подходе фактически можно мыслить как вполне определенный закон существования, развития сущности. Но тогда конгломерат есть ни что иное, как многомерный объект.

Естественно, продумывание представленной гипотезы может вызвать закономерный вопрос: что ценного в практическом плане может дать введение представлений о многомерных объектах? Как уже отмечалось выше, на наш взгляд, одним из фундаментальных философских концептов, определяющих формирование современной общекультурной парадигмы является концепт многомерности. Освоение многомерности связано, в первую очередь, с прояснения терминологического базиса, позволяющего соответствующий концепт осваивать. В качестве элементов этого базиса уже сейчас можно назвать термины мерность и многомерный объект. Вероятно, нового уровня переосмысления требуют и представления о законе, закономерностях. Сам же факт того, что многомерный объект предстает не только концептуальным образованием, но и имеет конкретно практическое проявление в виде, к примеру, обществ конгломеративного типа, придает многомерным исследованиям чрезвычайно важный практический ракурс. Равно как и наоборот: практические исследования поведения надсистем (или – транссистем) способствуют развитию представлений о многомерности.

Возвращаясь к концепции А.Д. Богатурова можно сделать еще одно весьма важное культурологическое обобщения: сама мировая культура может рассматриваться как некий конгломерат культур, однако конгломерат еще более сложный, в который помимо современных, традиционных культур входят также культурные конгломераты. Осмысление конгломератов, традиционных, современных культур позволяет по-новому посмотреть на целостность мира, которая теперь вовсе на предполагает обязательной культурной унификации западного или какого-либо иного образца.

Следующей концепцией, которая, на наш взгляд, достаточно точно отражает современную культурную ситуацию не только в России, Украине, но и во всем мире, является концепция российского экономиста С.Глазьева. Главным положением отмеченной концепции являются представления о технологическом укладе (ТУ). По Глазьеву, ТУ предстает комплексом базисных технологически сопряженных производств, образующих ядро технологического уклада. Наиболее характерная продолжительность жизненного цикла ТУ составляет столетие, при этом период доминирования ТУ в развитии экономики имеет от 40 до 60 лет. Технологические нововведения, участвующие в формировании ТУ получили название «ключевой фактор». Отрасли, играющие ведущую роль в распространении нового ТУ именуется несущими отраслями. Главная особенность современного культурного периода состоит в том, что имеет место переход от пятого ТУ к шестому технологическому укладу. И если пятый ТУ основывался, в первую очередь, на применении достижений микроэлектроники, то шестой – связан с использованием нанотехнологий. Как известно нанотехнологии позволяют менять молекулярную структуру вещества, создавать предварительно заданные свойства тем или иным материалам, изменять клеточную структуру живых организмов. С.Глазьев называет ключевыми факторами шестого ТУ нанотехнологии, клеточные технологии, методы геной инженерии. К ядру этого ТУ относят: нанозлектронику, изготовление наноматериалов и наноструктурированных покрытий, оптических наноматериалов, наногетерогенных систем. Шестой ТУ связан с использованием энергосберегающих технологий. Несущие отрасли рассматриваемого уклада: электронная, атомная и электротехническая

промышленность, информационно-коммуникационный сектор, станко-, судо-, авто- и приборостроение, фармацевтическая промышленность, солнечная энергетика, ракетно-космическая промышленность, авиастроение, клеточная медицина, семеноводство, строительство, химико-металлургический комплекс [3].

Достаточно понятно, что переживаемый современным человечеством переход между технологическими укладами является чрезвычайно болезненным по нескольким причинам:

- новый технологический уклад отличается от предыдущего многократно меньшей энерго- и материалоемкостью. В связи с отмеченным, можно ожидать мощного сопротивления изменениям, связанным с переходом к новому ТУ всех тех мировых структур, которые традиционно зарабатывали огромные деньги на продаже нефти, газа, нефтепродуктов, металла. Гигантские мировые производства могут оказать в достаточно близкой временной перспективе неостребованными вместе с миллионами рабочих, которых необходимо срочно переучивать;

- переход к нанотехнологиям требует фундаментальной переподготовки персонала, которая, в свою очередь, предполагает проведение глобальных реформ средней и высшей школы. Реформированию подлежит не только содержание образования, но и используемые образовательные технологии. Затягивание с проведением образовательных реформ равносильно застреванию в затяжном и болезненном кризисе;

- проникновение технологий в более глубокие уровни материи, расширение масштабов обработки информации предполагают осуществление фундаментальных этических изменений. Общество потребления с его идеалами материального накопительства становится уже перевернутой страницей. В человечестве начинают вызревать стремления к обретению новых ценностей – возможностей творческого самовыражения, всестороннего развития, самопознания и качественно нового познания окружающего мира. Человек, как уже было отмечено выше, начинает развивать космоэтику, основанную на принципиально новых ценностных основаниях;

- масштабность задач, возникающих перед человечеством, необходимость проведения быстрых институциональных преобразований, реинвестиции мировых финансовых средств в принципиально новые отрасли производства требуют разрешения особой задачи. Как сказал академик Н.Н. Моисеев, эта задача состоит в том, чтобы «запустить» коллективный интеллект, направить его усилия на поиск необходимых составляющих тех цивилизационных изменений, которые окажутся способными создать новую «парадигму развития» [5]. Из возникшего фундаментального цивилизационного кризиса выходить целесообразно, прежде всего, приложением коллективных усилий. При этом однако не следует впадать в иллюзию по поводу необходимости одинаковой реакции на формирующийся цивилизационный импульс от культурных образований различного типа. Современные, традиционные культуры, конгломераты в сложившейся ситуации, очевидно, будут демонстрировать достаточно различные реакции, но, вероятно, в этом различии содержится необходимое конструктивное разнообразие, сдерживание которого равносильно углублению катастрофы.

В этой связи естественно возвратиться к разговору о методологии. Методологический анархизм, активно пропагандируемый П. Фейерабендом,

выступая против всепоглощающей унификации, открыл дорогу не просто плюрализму, а развивал возможность одновременного взаимодополняющего соотнесения различного. В рядоположении инакового, в объединении разноразличностей и формируется возможность многомерного освоения мира в его раскрывающейся сложности.

В 2007 году профессором Лазаревым Ф.В. был издан Антропологический манифест, в котором обращалось внимание на необходимость немедленного обсуждения новых оснований цивилизационного развития, оснований, позволяющих преодолеть надвигающийся цивилизационный кризис. За прошедшие четыре года ситуация не просто обострилась, а качественно изменилась. Эпоха технологической цивилизации осталась в прошлом. Но вызовы наступающих цивилизационных сдвигов оказались еще более острыми, требующими коллективных осмыслений на самых различных уровнях. Год 2011 актуализирует необходимость создания уже *коллективного культурного манифеста*. Общекультурные парадигмальные тренды не открываются мгновенно тому или иному мыслителю. Их проявление, прояснение требует приложения усилий большого коллектива исследователей. Теоретические декларации необходимости «запуска» коллективного интеллекта требуют практических действий.

Глобальный кризис, в первую очередь, является кризисом самого человека. Преодоление кризисов возможно только на пути преобразования самого человека. Современный человек не только предстает «многомерным», овладевающим навыками «многомерного мышления». Но он становится еще и «коллективным». Причем коллективность обретается не путем стирания индивидуального, а наоборот - максимальным развитием индивидуальной инаковости, вскрытием и проявлением уникальной личностной ипостасности. Космогармония, о которой в последнее время стали так часто говорить, есть взаимодействие всего сущего в гармоническом единстве (или иначе – приведение разноразличностей к состоянию гармонического единства). Космогармония ведет к установлению глобальной коллективной безопасности планеты и всего человечества.

Выводы. Методологические стратегии формируются под воздействием методологических установок, которые, в свою очередь, развиваются под влиянием общекультурной парадигмы. Общекультурная парадигма проявляется набором ключевых терминов, символов, фундаментальных метафизических концептов, ценностных установок, наиболее важных научных и технологических изобретений. В связи с отмеченным, технологический уклад (ТУ), несомненно, влияет на характер культурной парадигмы, смена укладов вызывает смену парадигм.

Современный мир, и Украина в том числе, переживают не просто изменение технологических укладов. Это изменение проходит на фоне проявления новой посттехногенной цивилизации. Соответствующие трансформации обнаруживают себя на уровне общекультурной парадигмы, анализ терминологической составляющей которой дает основание обратить внимание, как минимум, на такие культурообразующие для современной ситуации термины, как многомерность, над- или транссистемность, коллективность, космоэтичность. Современное человечество находится в начале совершенно нового пути. И при этом наиболее сложной задачей оказывается способность удерживать, фокусировать сознание, разум, мышление на

том новом, которое пока еще только проступает, но проступает с неизбежностью уже совершенного человечеством выбора качественно нового эволюционного витка, открывающего захватывающие дух, недоступные ранее горизонты развития.

Список литературы

1. Аствацатуров А.Е., Базилаи М. А. Глобализация и начала космогармонии / А.Е. Аствацатуров, М.А. Базилаи // Век глобализации. – 2009. – № 2. – С. 71–80.
2. Богатуров А.Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода / Очерки теории и политического анализа международных отношений // А.Д. Богатуров. – М., 2002. – С. 129–144.
3. Глазьев С.Ю. Мировой экономической кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев. - Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaaaaziev.htm>
4. Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов / С.Б. Крымский. - М.: Идея-Пресс, 2006. - 240 с.
5. Моисеев Н.Н. О необходимых чертах цивилизации будущего [Электронный ресурс] / Моисеев Н.Н. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/Moiseev/ONEOBXODIMIXCHERTAX.htm>

Богата Л.М. Методологічний ракурс роздумів про посттехногенність // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 71-80.

У статті розглядаються уявлення про культурну парадигму тих, що в сукупності становлять її елементів. Досліджуються особливості сучасної культурної ситуації в Україні. На підставі концепцій, А.Д, що розвиваються Богатуровим, С.Ю. Глазєвим, проводяться міркування по приводу посттехногенності як чергового етапу, наступного за епохою техногенності.

Ключові слова: методологічна стратегія, методологічна настанова, загальнокультурна парадигма, посттехногенність, технологічний устрій.

Bogataya L. Methodological foreshortening of reflections about postteknogennost // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 3-4. – P. 71-80.

In the article the ideas about the cultural paradigm in the totality of the components of its elements are examined. The special features of contemporary cultural situation in the Ukraine are investigated. On the basis the concepts, developed by A. Bogaturov, S.Glazev, are carried out the reasonings apropos of postteknogennost as the sequential stage, which follows after the epoch of tekhnogennost.

Keywords: methodological strategy, methodological installation, general cultural paradigm, postteknogennost, technological structure.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.